

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

НЕ РАССТАНУСЬ
С ВАН ГОГОМ

ЭКМО

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
Не расстанусь с Ван Гогом

«ЭКСМО»

2014

Островская Е. Н.

Не расстанусь с Ван Гогом / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2014 — (Татьяна Устинова рекомендует)

Для театроведа Нади Черкашиной настали черные дни – журнал «Подмости», где она работала, медленно умирал. На что жить? Где найти новую работу? Как назло, Наде срочно понадобилась крупная сумма: подруга перед смертью оставила ей в дар полотно Ван Гога – неизвестный вариант «Едоков картофеля». Но у Нади сразу начались проблемы! Явившийся к Черкашиной агент Интерпола заявил: картина поддельная, к тому же краденая, и Надя должна вернуть ее предыдущему владельцу. Подумав, девушка решила выкупить полотно, а деньги взять у... бывшего мужа, известного актера Александра Холмогорова. Правда, для этого придется снова выйти за него замуж, хотя после измены Надя уже не верила в его вдруг вспыхнувшую страсть. Она не знала: Александр просто играет в любовь, и ставка за эту роль очень высока – его собственная жизнь. Холмогорова шантажируют, заставляя любой ценой забрать у бывшей жены картину Ван Гога...

© Островская Е. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Татьяна Устинова	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Часть вторая	32
Глава 1	32
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Екатерина Островская

Не расстанусь с Ван Гогом

© Островская Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Татьяна Устинова

Кто придумал и напороочил любовь

«Не расстанусь с Ван Гогом» Екатерины Островской – по-настоящему новый роман. Великолепный и легкий детектив с закрученным, невероятно стремительным, но вполне логичным сюжетом, изысканной и тонкой любовной линией и совсем уж неожиданной развязкой. Нет-нет, все заканчивается, безусловно, хорошо, именно так, как мы любим, – сейчас я не выдаю тайну и не пытаюсь пересказать роман, я просто следом за автором обещаю: все будет хорошо!

А все-таки одну тайну я вам открою: в новом детективе Екатерины Островской развернулась охота за неизвестной картиной самого Ван Гога, и столько всего там произошло... И это мне тоже безумно нравится! Сразу вспоминается чудесный фильм «Как украсть миллион», где Николь Бонне строго допрашивала своего отца Шарля Бонне – гениального копииста и азартного мошенника: «Это был твой Ван Гог или Ван Гог Ван Гога, папа?» И отец, глядя в пол, отвечал: «Мой, натурально!»

Великие произведения искусства самим фактом своего существования вдохновляют человечество. Их изучают в школах, они притягивают коллекционеров, за ними гоняются аукционные дома, ими любят обыватели. О них спорят, снимают фильмы, их подделывают, похищают и разыскивают.

Но конечно же, особенной притягательностью для любого автора детективов обладают картины великих мастеров. Здесь открывается небывалый простор для маневра, какого-нибудь восхитительно неожиданного поворота сюжета. Еще бы! Гениальную картину может вождеть каждый. А где страсть – там и преступление. Круг подозреваемых невероятно расширяется: здесь и помешавшийся знаток, и проигравшийся племянник, и скучающий эксцентричный богатей, и даже незаслуженно обойденный наследством старый дворецкий. А потом вдруг выяснится, что картина поддельная, и все вновь переворачивается с ног на голову.

«Не расстанусь с Ван Гогом» Екатерины Островской – не просто детектив, а настоящий мир, в котором есть место страсти, холодной логике, предательству и любви. Здесь лист старого холста хранит несметные богатства. На него как мотыльки на огонь слетаются прохвосты, негодяи и настоящие злодеи. Но в конце концов шедевр – если он настоящий! – обязательно обретет настоящего хозяина.

Героиня романа Надя оказывается владелицей шедевра Ван Гога совершенно случайно, так сложились обстоятельства, что картину ей завещала очень милая и почти посторонняя старушка. И Надя – самая обыкновенная девушка, сотрудница никому не нужного журнала, который вот-вот отдаст концы, – оказывается втянутой в череду странных и загадочных событий. Бывший муж, которого давно и след простыл, вдруг является и клянется ей в любви – не угасла, мол, а возгорелась вновь; подозрительный тип, назвавшись экспертом, уверяет Надю, что картина краденая, ее должно вернуть, пока новую владелицу не обвинили в краже; какой-то подозрительный тип, то ли банкир, то ли бандит, мечтает заполучить Ван Гога всеми возможными способами. Как тут разобраться?.. Как узнать, подлинный шедевр или поддельный?.. Как определить, кто друг, кто враг? И – самое главное! – все эти коллизии начались с появлением в Надиной жизни Ван Гога!..

До самой последней страницы я все гадала, как-то они разберутся – Надя и Ван Гог?.. И мне так хотелось, чтобы разобрались правильно, вовремя и без потерь!..

Екатерина Островская не подвела. Ван Гог остался цел и невредим и обрел настоящего владельца, который уж точно не даст его в обиду!

И любовь, конечно!.. Любовь к неподходящему и странному человеку, который оказался вполне подходящим – как и положено. И неизвестно, кто эту самую любовь придумал и напро- рочил: то ли автор романа Екатерина Островская, то ли посторонняя старушка, завещавшая героине шедевр, то ли сам Ван Гог!..

Часть первая

Глава 1

Домой она вернулась поздно. Прошел еще один день – суматошный и пустой, как и все последние дни убегающей куда-то жизни. И хотя жизнь еще вся впереди, Надя прекрасно понимала это, но думать, что вся она будет такой же суматошной и жестокой в своей бессмысленности, не хотелось. И делать по дому ничего не хотелось. В мойке скучала посуда, не мытая со вчерашнего вечера, – притрагиваться к ней не находилось желания. А есть не хотелось по нескольким причинам сразу: во-первых, надо было что-то готовить, но ведь на это уйдет время, потом, во-вторых, опять же посуду придется мыть, однако главное, в-третьих, поздно уже ужинать – начало девятого.

Надя пила чай с сухариками, без всякой мысли уставившись в экран телевизора, с которого похуже на стриптизерш размалеванные девчонки, крутя едва прикрытыми задницами, вопили о своей огромной и бескорыстной любви.

Зазвонил телефон. Брать трубку не хотелось, но телефон продолжал настаивать. Надя протянула руку, не зная, что сделать сейчас: взять пульт и усилить звук телевизора, чтобы больше не слышать звонка, или все же ответить на вызов.

Ты пришел ко мне-е, ко мне-е
Со своим больши-им, больши-им,
Большим и чистым,
Чистым чувством...

– орали с экрана девчонки.

Надя подняла пульт и переключила приемник на другой канал, где шла перестрелка. А потом подняла трубку.

– Я уж думала, тебя дома нет, – донесся голос Татьяны, – хотела уж на мобильник тебе звонить.

– Я дома, – подтвердила Надя и поразились глупости собственной фразы: зачем объяснять, если Татьяна и так звонит на домашний номер? – Кстати, мобильник у меня еще днем разрядился.

Батарейка и в самом деле села, надо не забыть поставить телефон на зарядку.

– Можно я к тебе приеду? – попросила Татьяна. И, словно понимая, что может услышать отказ, как-то уж очень быстро включила грусть в голосе: – Дело в том, что у меня несчастье случилось. Можно сказать, горе. Ивана Семеновича нет. – Татьяна вздохнула и всхлинула.

– Поздно уже, – попыталась отговориться Надя. – А завтра у меня...

– Ты не поняла, – перебила подруга, – Ивана Семеновича совсем нет: его убили.

– Ка-ак? – не поверила Надя.

– Очень просто. В конце дня поехал в комитет по управлению инвестициями, а когда выходил из машины, упал. Водитель выскочил, чтобы помочь ему подняться, а он уже, оказывается, мертвый. Ему прямо в сердце попала пуля...

Надя молчала, потому что не знала, как выражают соболезнование в подобных случаях. И Татьяна быстро воспользовалась паузой:

– Теперь я вдова. А горем мне не с кем поделиться. Я так переживаю – ты даже представить не можешь! Через полчаса я подскочу к тебе, вместе Ивана Семеновича и помянем.

Глава 2

Семь лет назад Надя получила диплом. Всем курсом отметили окончание вуза грандиозной пьянкой в арендованном на ночь кафе. Веселья было больше, чем настоящей радости: крики, вопли, танцы с падениями и битьем посуды. Домой она возвращалась под утро на такси. Рядом сидел нетрезвый Вася Горелов, который поначалу попытался ее обнять, потом обижался всю дорогу, а когда машина остановилась у подъезда, сделал еще одну попытку, спросил:

– В гости не пригласишь... вроде того, что кофе попить?

– Вася! – тихо возмутилась Надя, чтобы не слышал водитель. – Я же замужем!

– Ну да, у тебя же твой Сашка, – будто бы только теперь вспомнил сокурсник. – Но ты учти: актеры – народ непостоянный.

Надя промолчала – не спорить же с пьяным дураком. Про актерскую жизнь она знала многое и могла бы Горелову наговорить с три короба.

У нее ведь и отец, и мать служили в театре. Правда, им пришлось перебраться в провинцию, где ставки были немного меньше столичных, зато при распределении ролей о них не забывали, так как художественный руководитель провинциального театра был их сокурсником и другом. Родители очень быстро получили служебную квартиру, а Надя осталась одна в Питере, в двухкомнатной. Она как раз первый курс закончила, когда отец с матерью спешно собрались и уехали, стараясь успеть обосноваться на новом месте до открытия театрального сезона.

Родители присылали ей деньги, не так чтобы много, но благодарная дочь понимала – ей отправляют последние. Но иногда папе с мамой предлагали эпизодические роли в сериалах, и тогда они подкидывали дочке немногим больше обычных выплат. Работу свою они не просто любили – обожали. Однако мама давным-давно взяла с дочери слово, что та не пойдет в актрисы. Отец не запрещал, но Надя и так знала, что он полностью согласен с мамой, так как соглашался с ней во всем. Узнав, что дочь собирается на театроведческий факультет, скривился уголком рта, а потом махнул рукой.

– Ладно уж! Только замуж за актера не выходи никогда – даже под угрозой смертной казни.

– Я и не собираюсь, – ответила Надя твердо.

И обманула. А может, просчиталась. Но это только потом выяснилось, что просчиталась. Когда же выходила замуж за Сашу Холмогорова, была счастлива. Пугало только одно – как сообщить об этом родителям. Потом, конечно, все образовалось: Саша был не просто красавцем, но и очень обаятельным – понравиться тестю с тещей ему труда не составило. Вот только почему он выбрал именно Надю, она и сама не могла понять: по коридорам театрального института красавицы ходили толпами, а самые красивые – поодиночке. Надя была самой обыкновенной.

Домой после лекций она возвращалась пешком. Полчаса прогулки, как ни странно, снимали накопившуюся за день усталость, так что вечером хватало сил просмотреть конспекты лекций, полистать театральные журналы или почитать какую-нибудь книгу из серии «Жизнь замечательных людей» или из серии «Жизнь в искусстве». Родители долгие годы собирали эти книги, покупали или обменивались с другими поклонниками замечательных людей.

Чтение очень увлекало Надю, хотя на личную жизнь время все же оставалось. На первом курсе она встречалась как раз с Васей Гореловым. Однако недолго: одноклассник оказался слишком нетерпеливым, а Надя не могла не подумать о том, стоит ли ей заводить близкие отношения с человеком, которого она не любит всей душой. Вася был веселым и щедрым, часто занимал деньги у сокурсников, чтобы сводить Надю в кафе. Потом ему одалживать перестали, но к тому времени они уже перестали встречаться, и Горелов стал отлавливать девушек с актерского. В конце первого курса в ее жизни появился будущий режиссер Решетов, и Надя

уже почти решилась, но тут, как-то некстати, закончилась летняя сессия, Решетов умотал к родителям в Нижний Новгород, оттуда он позвонил пару раз. В первый спросил, чем Надя занимается, но разговор долгим не получился, а позвонив во второй раз, произнес с удивлением: «Ой, это ты?» После чего помолчал несколько секунд и признался: «Я, кажется, в своем мобильнике не ту кнопку нажал». После чего отключился. Осенью он сам подошел к ней в институтском коридоре. Говорил ни о чем и так спокойно, словно до этого не было поцелуев и его признаний. Надя не столько расстроилась, сколько обиделась. Чуть не расплакалась даже. Но в институте рыдать было не очень удобно, а потому она решила отложить слезы на вечер, чтобы дать волю чувствам в непринужденной обстановке при отсутствии родителей.

И как раз в этот день к ней подошел поджидавший ее возле институтского крыльца Саша Холмогоров. Подошел и предложил:

– Давай домой провожу? Если ты не против, конечно.

Надя пожала плечами. Но тут же поняла, что это не слишком учтиво, а потому, кивнув, произнесла с грустью:

– Путь не близкий.

– Это хорошо, – обрадовался Холмогоров, – значит, будет время пообщаться.

Они не спеша прошли вдоль стен старого здания, мимо строя хмыкающих им вслед девушек с актерского. В свой помятый ржавеющий «Опель» садился будущий режиссер Решетов, за машиной которого прятался от кредиторов Вася Горелов, с тополей медленно слетали начинающие желтеть листья. А над пыльными кронами, над обшарпанными крышами, над людскими проблемами целеустремленно тянулся к югу косяк журавлей. Осенний день светился все понижающей улыбкой, окружающее таяло в нем и стихало. Лишь какой-то перестук слегка будоражил вселенную, словно где-то далеко-далеко мчался в неизвестность скорый поезд. Надя попыталась понять, что означает этот звук, почему нет ничего в мире, кроме него, и не сумела. И откуда он вдруг появился, тоже было непонятно. Холмогоров что-то рассказывал, но его слова не доходили до сознания Нади. Она, правда, кивала ему и улыбалась даже.

– В десятом классе я чуть не вылетел из школы за прогулы, – говорил Саша. – В наш городок приехала съемочная группа, и я устроился рабочим на площадку. Естественно, и в массовку попал, что для меня уже было величайшим счастьем. Потом дали мне эпизод со словами. Накануне я целый вечер разучивал текст, произносил его с разными интонациями: «Мужик, у тебя закурить не найдется?» или «Мужик, у тебя закурить найдется?». Вот таким дураком был: надеялся, что режиссер заметит мой талант и предложит мне главную роль в следующем своем фильме.

Только сейчас Надя поняла, что стучит в центре мироздания, – это колотилось ее собственное сердце.

– А помог мне не талант, а случай, – продолжал Саша. – Фильм был о детском доме в захолустном местечке, каковым мой родной город и является до сих пор в полной мере. Исполнителя главной роли, как и всех артистов, привезли из Москвы. И вдруг выяснилось, что паренек этот, очень типажный, кстати, сам сидит на таблетках, а когда их нет, нюхает клей. С мешком на голове, в отключке, его и застукали. Ладно бы режиссер застукал, а то ведь поймал какой-то проверявший ход съемочного процесса представитель из Министерства образования: фильм ставился на бюджетные деньги.

Пацана кое-как привели в чувство, а дальше случился скандал – проект хотели закрыть. Тогда режиссер сообщил, что у него есть запасной вариант, и показал меня. Сценарий кое-как переписали. Любителя нюхать клей оставили на пару дней, пересняли пару-тройку эпизодов, досняли другие – по новому сценарию бывший главный герой бросался под поезд. А потом уж стали снимать меня: как я переживаю смерть друга и встаю против существующих в детском доме порядков.

– Я смотрела фильм, ты был очень убедителен, – признала Надя. – Мы с мамой вместе ходили в кинотеатр. Ты ей тоже понравился.

– Нина Черкашина ведь твоя мать? – спросил Холмогоров, хотя наверняка и знал это. Надя кивнула.

– На первом курсе я был на спектакле с ее участием, – сообщил Саша. – Она прекрасная актриса, жаль, что из театра ушла.

– Мама не ушла, а перешла в другой. Там у нее все главные роли. И отец занят почти во всех постановках.

Саша промолчал. Вероятно, он знал и об этом.

Они почти час шли вдвоем, но дорога до парадного ее дома показалась Наде в этот день удивительно короткой.

– Завтра позволишь сопровождать тебя? – спросил Холмогоров.

– Буду рада, – согласилась Надя.

Она вошла в квартиру. Плакать по потерянному Решетову уже не хотелось, наоборот, хотелось смеяться и петь. На месте не сиделось. Подойдя к книжной полке, Надя не глядя вытащила книгу и сама удивилась тому, что взяла ее, ведь не собиралась читать. Закрыла глаза и загадала, что откроет и посмотрит на обложку: если книга об актере, то Холмогоров до конца года сделает ей предложение. Открыла и посмотрела. Сомерсет Моэм, «Луна и грош». Поставила книгу обратно на полку, повернулась к стеллажу спиной и, стараясь не оборачиваться, взяла другую. Посмотрела: «Театр» того же Моэма.

– Ну что ж, – произнесла она вслух, – значит, до конца года не успеет, осталось-то всего три месяца с небольшим, а вот после Нового года...

Но Саша успел.

Месяц он провожал ее. Недели две просто так – до парадного, потом до лестничной площадки, потом... Потом она сама пригласила его пообедать. Раз, другой... Вечером пили чай, и Холмогоров спешил к себе в общагу. А еще встречались во время перерывов между занятиями. И болтали, болтали, болтали. О всякой ерунде, но более всего о театре.

Однажды она не увидела его в институте. Подошла к двери, за которой шло занятие по актерскому мастерству, чуть приоткрыла дверь и услышала голос мастера:

– Ну, кто так двигается, милочка? Девочки на трассе более элегантны, чем ты. Кто ты у нас сегодня, Нина Заречная, кажется? Не слышу!

– Да, Нина Заречная, – тихо подтвердил дрожащий голосок какой-то студентки.

– О! – согласился педагог. – Значит, мы все-таки готовим к постановке чеховскую «Чайку», а не пьесу какого-нибудь нынешнего Пупкина о жизни вокзальных шлюх... Кто там за дверью? А ну закрыть быстро!

Надя захлопнула дверь и понеслась прочь.

Как оказалось, Холмогоров простудился и на занятия не пошел. Тогда она купила лимоны, соки, выгребла из домашней аптечки лекарства и помчалась к нему.

В комнате было сильно накурено. Из-под треснутого потолочного плафона слабо пробивался тусклый электрический свет. За столом сидели трое парней – соседи Холмогорова по комнате и две незнакомые девицы. Перед ними толпой стояли бутылки с вином и пивом. Надя вошла внутрь и задыхнулась от разъедающего глаза дыма.

– А где Саша? – спросила она, потому что разглядеть что-либо было невозможно.

Один из студентов взял со стола бутылку, стал наполнять стаканы и, не глядя на вошедшую, бросил:

– Вы по какому вопросу?

А второй мотнул головой в сторону кровати.

– Вон он лежит. Только не подходите к нему, держитесь на порядочном расстоянии – звезда экрана может быть заразной... То есть заразным.

Девушки разглядывали Надю и курили, мощно, как паровозы, выпуская клубы дыма.

Она подошла к кровати. Холмогоров лежал тихо, накрывшись одеялом с головой. Надя отогнула одеяло и коснулась ладонью его лба. Тот был очень горячим. Саша осторожно снял со лба ее ладонь и поднес к своим губам, прошептал:

– Прости...

– Подняться можешь? – тихо спросила она. – Тебе нельзя здесь оставаться.

Потом Надя помогла ему спуститься по лестнице, усадила в холле, а сама выскочила на улицу. Как назло, долго не удавалось поймать такси. Когда наконец она подвела Сашу к автомобилю, водитель хотел тут же уехать прочь, заявив:

– Пьяных не вожу.

– Он болен, – объяснила Надя.

– Тем более, – покачал головой таксист.

И все же согласился – за двойной тариф. Пока ехали домой, Надя прижимала Холмогорова к себе и тихо говорила:

– А я тебе бульончик куриный в термосе принесла. Ну, ничего, дома съешь. Еще у меня есть малиновое варенье, лимончики...

– Я вишневое больше люблю, – шепнул Саша и закашлялся.

Так он остался у нее жить. Неделю Надя выхаживала его. А когда Холмогоров поправился, вдвоем поехали в институт. Вернулись днем, и больше он уже не уходил.

Новый год решили встретить дома. Накануне готовили вместе закуски. Саша вдруг произнес:

– Давно хочу тебя попросить кое о чем.

– Попроси, – отозвалась Надя, нарезаая колбасу для оливье.

Холмогоров снял фартук, опустился на одно колено возле кухонного стола, взял Надину руку, вынул из нее нож и, положив его на столешницу, тихо, но проникновенно произнес:

– Я прошу тебя быть моей женой.

Конечно, он понравился ее родителям. А может, те промолчали, потому что видели, что их дочь счастлива...

Семь лет назад Надя закончила институт. Поучаствовала в общей пьянке, вернулась домой, отшив Васю Горелова, и сразу легла спать. Днем она должна была лететь в Ялту, где шли съемки фильма, в котором был занят Саша. На самом деле приглашение на картину получила мама Нина, но она уговорила ассистента по подбору актеров включить в состав съемочной группы мужа и зятя. Отцу Нади досталась роль второго плана, а Саше предложили участвовать в нескольких эпизодах. Он должен был отсняться и вернуться еще до защиты Надей диплома, но его работа понравилась режиссеру, и количество эпизодов с его участием решили увеличить. Холмогоров позвонил из Ялты, долго рассказывал о съемках, а перед тем как попрощаться, вспомнил:

– Я заказал тебе билет на самолет. Прилетай, а то без тебя совсем невмоготу.

Глава 3

Две недели Надя провела в Крыму. Саша возвращался в гостиницу поздно, от ужина отказывался. Вдвоем они устраивались на балконе возле маленького столика, на котором едва умещалось блюдо с виноградом и бутылка местного сухого вина. С балкона было видно море и уходящее за горизонт солнце. Море постепенно исчезало во мраке, а на небе появлялись звезды.

В одну из ночей предполагалось снимать эпизод с участием Саши. Надя пошла, разумеется, на площадку, а потом пожалела. По сценарию персонаж Холмогорова был брачным аферистом, который знакомился с богатыми девушками на отдыхе, заводил с ними романы со всеми полагающимися эпизодами, а потом разводил легковверных возлюбленных на крупные суммы. Ночью он должен был участвовать в сцене купания с очередной подружкой под звездами. Причем исполнительница главной роли и Саша должны были купаться голышом. Но в сценарии-то стояло, что курортный город накрыла темная ночь, а на съемочной площадке оказалось светлее, чем днем. Глаза слепили прожектора и софиты, Надя прикрывала глаза рукой, а потом и вовсе отвернулась, потому что смотреть, как голый Саша прижимает к себе голую исполнительницу главной роли, целует ее и увлекает в набегающую волну, было невыносимо. Режиссер просматривал на мониторе отснятый материал, а потом кричал:

– Снимаем еще раз – море бликует, ни хрена не разобрать.

Эпизод повторили раз пять. Потом оператор наконец догадался направить пару прожекторов поверх волны.

Голый Холмогоров вышел из моря, ведя за руку стройную девушку, которая даже не пыталась прикрыть хоть как-то свою наготу. Актриса подняла с пляжного лежака уставшее от ожидания полотенце, начала растирать свое тело, а потом крикнула в спину уходящему Надиному мужу:

– А ты меня убедил! Еще немного, и я бы тебе и в самом деле отдалась...

Слышать это было неприятно.

Отец подошел к Наде и шепнул, чтобы никто не слышал:

– Обратная сторона профессии. Придется терпеть.

Через две недели Надя уехала. Саша проводил ее до вокзала, поцеловал и не стал дожидаться отправления поезда, сказав, что отпросился всего на пару часиков. Она смотрела ему вслед, смотрела пристально, надеясь, что муж обернется, увидит ее глаза и останется, хотя бы для того, чтобы сказать ей те слова, которые говорят друг другу при расставании только самые близкие люди, не умеющие жить в разлуке. Но Холмогоров лишь ускорил шаг, пробиваясь сквозь толпу провожающих и отъезжающих, – высокий и стройный. На него оборачивались женщины, молодые и не очень.

Рядом армянин прощался с молоденькой девушкой. Держал ее за руку и пристально глядел в глаза.

– Я тебе вот что скажу, – говорил армянин. – Когда ты уедешь, у меня другого такого женщина не будет. У меня, может, теперь совсем женщина не будет. Ты поскорее делай свои дела и приезжай сюда опять. Ты ведь хочешь этого делать?

– Да, – кивнула девушка, – мне очень тяжело с тобой расставаться. Здесь столько солнца и моря.

– Эх, – покачал головой армянин, – ты еще озера Севан не видела. Там такой солнце – смотреть на него не надо, ослепнуть можно. Будешь потом всю жизнь с черными очками ходить.

Надя повернулась, чтобы войти в вагон, и услышала, как провожающий армянин деловым голосом напомнил девушке:

– Ты, как приедешь, сразу... Понял меня? Сразу, не надо ждать, а моментально пришли мне деньги, что я давал тебе в долг. Я тебя умоляю...

– Я помню, – ответила та, – как приеду, сразу вышлю.

Поезд уже тронулся, когда в купе, в котором должна была ехать Надя, вошла та самая девушка. Поставила на полку чемодан и спросила:

– А мы вдвоем поедем?

– Еще бабушка с внуком, сейчас они в коридоре в окно смотрят.

– Это ладно, можно потерпеть. Главное, что мужиков нет, надоели уже своими приставаниями.

И засмеялась.

Так Надя познакомилась с Таней Бровкиной.

Попутчице было восемнадцать. Год назад она закончила школу и отправилась в Москву поступать в театральный. И, конечно, потерпела фиаско. Теперь Бровкина трезво смотрела на жизнь, рассчитывая поступить на экономический факультет Технологического университета.

– В театральный я больше ни ногой, – покачав головой, заявила Татьяна. – Не скажу, что у меня полное отсутствие таланта, даже наоборот, в той студии, которую я посещала, все главные роли были моими, и наш руководитель Максим Исакович меня особо отмечал. В театральный поступают не обязательно по способностям, чаще или через постель, или за большие деньги, а я не такая. Буду лучше работать экономистом, специальность хорошая. Вон их сейчас сколько, экономистов-то, и никто из них вроде на жизнь не жалуется. И, главное, без всякой постели абы с кем ради карьеры.

Услышав ее слова, пожилая женщина, соседка по купе, снова повела внука в коридор – показывать вид на горы.

– Столько сейчас наглых девиц, готовых на все, чтобы в жизни пристроиться, – продолжала, вздохнув, Бровкина. – Как жить в таком мире, просто не знаю!

Она ездила в Крым отдыхать. У матери нашлась там какая-то подруга, обещавшая предоставить Тане комнату с видом на море.

– Если бы я знала, сколько эта хапуга сдерет с меня за крошечную каморку, никогда бы не поехала. И, кстати, до моря оказалось три остановки на автобусе. За проезд плати, за жилье плати, за питание отдельно. Деньги быстро кончились, пришлось у соседа-армянина на обратный билет занимать...

Обеих никто не встречал. Бровкина надеялась, что на вокзале увидит старшую сестру, которая училась как раз в технологическом и жила в общежитии. Но той что-то, видимо, помешало прибыть на вокзал, и Таня сама потащила свой чемодан к метро, болтая обо всем подряд и крутя головой по сторонам. Надя шла рядом, слушала попутчицу, но думала о Саше. При расставании она продиктовала новой знакомой номер своего телефона, подумав, что никогда уже не увидит девушку.

Однако Татьяна позвонила поздним вечером того же дня.

– У меня неприятности, – сообщила она. – В общежитии для меня не нашлось свободной койки, и мне не у кого попросить о помощи – я никого здесь не знаю. Можно приеду к тебе переночевать? С утра пойду искать себе жилье. Ты же мне не откажешь...

Приехала Бровкина на удивление быстро, словно звонила из соседнего двора. Влезла в чужие тапочки, которые едва не треснули от подобной наглости, и вошла в гостиную. Старая мебель ее не восхитила, а вот фотографии на стенах новая знакомая рассматривала с большим интересом. Остановилась перед большим портретом молодой дамы в пышном платье и в шляпке с вуалью.

– Это твоя прабабушка? – спросила равнодушно.

– Нет, моя мама в роли Кручининой в пьесе «Без вины виноватые» Островского, – объяснила Надя.

– А-а-а... – так же равнодушно отреагировала гостя.

Перед фотографией отца Татьяна задержалась несколько дольше.

– Солидный мужчина. Только почему в бане сфотографировался?

– Это он в роли Ксанфа. Ему как раз Эзоп говорит: «Ксанф, выпей море!»

– Так у тебя родители артисты, что ли?

Надя удивилась, как можно интересоваться очевидным, и все же тихо подтвердила:

– Ну да.

Гостя сделала еще шаг, и глаза у нее округлились. Татьяна чуть не взвизгнула, но голос тут же у нее пропал.

– Александр Холмогоров... – выдохнула она.

Теперь уже удивилась Надя.

– Ты его знаешь?

– Кто ж его не знает! Я еще в школе смотрела фильм про детский дом. И каждый раз ревела. Сестра тоже ревела, с мамой истерика была, а соседка наша, такая, я тебе скажу, про-
жженная тетка, вообще... – Умолкнув на секунду, Бровкина обернулась к хозяйке квартиры:
– Ты на нем тоже зависаешь?

– В некотором роде.

– Еще бы! Потом был фильм про чеченскую войну, где он в одиночку перевал держал, а его девушка в тот момент в ночном клубе зажигала. Перед смертью ей звонил, но та из-за музыки звонка не слышала. За ней там один парень как раз увивался...

– Я в курсе, – сказала Надя, едва сдерживая улыбку.

– А откуда у тебя этот снимок? – спросила Татьяна.

– Вообще-то Саша мой муж, – призналась Надя, – мы уже больше трех лет женаты.

Бровкина побледнела, потом начала багроветь. Снова взглянула на портрет Холмогорова, после чего начала рассматривать хозяйку квартиры, словно не зная, верить той или нет.

– И ты молчала столько времени! Тоже мне, подруга называется...

Подругами они тогда еще не были.

Ночью Татьяна вышла на кухню и, увидев сидящую с книгой Надю, вздохнула:

– Я тоже уснуть не могу: столько впечатлений! Разве я могла представить, какие у тебя связи?

У Бровкиной связей не было никаких. Отца своего она помнила плохо – мужчина замерз на зимней рыбалке, когда младшей дочери едва исполнилось шесть лет. Ранней весной лед на озере подтаял, все рыбаки ушли, а он остался сидеть возле своей лунки. Ночью ударил мороз. Следующим утром на лед пришли новые рыбаки, которые сначала не обратили внимания на неподвижного человека, а когда все же подошли, увидели, что тот мертв, весь заледенел. У него даже валенки ко льду примерзли – пришлось весь низ отрезать. После этого мать пыталась еще пару раз сходить замуж. Но один муж сбежал, прихватив семейные накопления и кое-что из вещей; а второй сильно пил и в отсутствие жены приставал к обеим падчерицам. Таня спокойно рассказывала об этом, хлопала пышными ресницами и поправляла вырез на старенькой блузке, под которым едва умещалась большая грудь.

Вполне вероятно, Бровкина догадывалась, что она не красавица. Но обаяние в ней, вне всякого сомнения, присутствовало – обаяние молодости и наивности. Таня была среднего роста, однако носила обувь на высоком каблуке, а потому воспринималась окружающими высокой. Бедра у нее были немного широковаты, и значительная часть мужчин именно потому и оборачивалась ей вслед. Бровкина знала об этом и умела своими бедрами правильно управлять. К тому же и талия у нее присутствовала. Еще девушка очень искренне наивно хлопала ресницами.

– Без образования сейчас никуда, – вздыхала Бровкина. – В моем родном городе никаких перспектив. Сестра даже на каникулы домой не приезжает. Да и чего у нас делать? Грязь

одна, никакой культуры. Парни все поголовно дебилы и алкаши, а девочки такие, что... И тоже алкашки.

Надя с гостьей сидели на кухне. Книга, разумеется, была отодвинута в сторону. Сначала девушки пили чай, потом Надя вспомнила, что в доме есть литровая бутылка мартини.

– Культурной жизни никакой, – печально повторила Татьяна, – а без нее мне...

Она осушила рюмку и отломилла кусочек шоколадки.

– Но театральная студия у вас все-таки имеется? – вспомнила Надя.

– Ага, – согласилась Бровкина, – для дебилов.

Утром встали поздно. После обеда Бровкина отправилась искать жилье. Но вскоре вернулась растерянная: как выяснилось, ей не по средствам снимать не то что квартиру, но и комнату в самой убитой коммуналке. Оставалось лишь надеяться на то, что ей, как абитуриенту, предложат место в студенческом общежитии. Девушка стала собирать свои вещи, но Надя вдруг предложила пожить у нее. Вот когда Таня поступит на учебу, вопрос с местом проживания решится сам собой, а пока... Предложила и сама удивилась своей добротой. Бровкина осталась.

Через неделю вернулся Саша. Посмотрел на Татьяну и шепнул жене: «Пусть поживет пока, раз ей негде сейчас». Уж он-то хорошо знал, как нелегко приедем в общежитии. А Татьяна словно хотела угодить хозяевам: наводила порядок в квартире, бегала по магазинам, готовила еду. Готовила, кстати, лучше Нади. Вероятно, потому что мать ее была не актрисой, а поваром. И надоедать она не хотела – убегала по утрам на консультации и подготовительные занятия.

То, что новая подруга взяла на себя всю работу по дому, Надю в общем-то обрадовало, правда, ей было немного неудобно – вроде как она заставляет батрачить на себя девочку, у которой и без того забот полон рот. И все-таки жить стало немного проще. Теперь, когда Надя начала работать, ей не надо было спешить домой, забегать в магазины и тащить набитые провизией пакеты домой, чтобы встать у плиты. Она возвращалась с работы, где ее уже ждали приготовленный подругой ужин и Саша.

За стол садились втроем, не торопясь ели и разговаривали о всякой всячине.

Саша почти всегда интересовался у Татьяны, какой конкурс в технологический, на какие предметы ей стоит обратить особое внимание. Таня отвечала подробно и говорила: «Думаю, с поступлением проблем не будет, я уже познакомилась с преподавателем, который будет экзамены принимать. Он так на меня смотрит!»

Вскоре Холмогорову пришел вызов на очередную картину. А перед самым его отъездом у Бровкиной был первый экзамен, который девушка успешно... завалила.

Татьяна сидела на кухне, парализованная несправедливостью жизни, смотрела прямо перед собой на кафельную плитку на стене над мойкой и не могла даже плакать. Надя пыталась успокоить ее, говорила, что не все потеряно, надо верить в себя и в свои силы, необходимо работать, готовиться, биться за свое место в жизни, и тогда удача придет. Но Бровкина не слышала ее слов.

Тут на кухню вошел Холмогоров и пообещал чем-то помочь, сказал, что с утра съездит в приемную комиссию и постарается договориться о пересдаче. Он погладил Таню по плечу, потом наклонился и коснулся губами ее волос. И тогда Бровкина... Нет, не заплакала, не зарыдала – завывала. Громко и страшно завывала, как загнанный зверь, который понял, что бежать уже некуда, спасения нет – еще секунда, раздастся выстрел, и все оборвется...

Татьяна подняла лицо и, закрыв глаза, чтобы не видеть серый в трещинках потолок, сквозь хрип раздираемого страданием горла, выдавливая из себя всю боль и весь ужас происходящего, заорала:

– Ы-ы-ы-ы-ы!!!!

Саша сделал все, как и обещал. О пересдаче экзамена, правда, не договорился, зато познакомился с какой-то дамой из ректората, поговорил с ней в служебном кабинете, потом

пригласил пообедать в артистический подвальчик на Моховой. Он едва успел к своему рейсу. Даже домой не заскочил. Позвонил из аэропорта и сообщил, что Бровкину обещали зачислить на заочное отделение. Только надо заявление переписать и снова сдать экзамены, которые у нее обязательно примут.

Глава 4

Надя работала в редакции журнала «Театральная жизнь». В основном, конечно, приходилось писать рецензии на театральные постановки. Много времени это не отнимало, однако приходилось посещать премьеры и заезжие антрепризы. Иногда она брала с собой в театр и Татьяну. Встречая знакомых, представляла им Бровкину:

– Моя подруга Таня.

Говорила так искренне, потому что тайн друг от друга у них не было. Да и какие могут быть тайны, если они живут в одной квартире, вместе садятся за стол и даже спят рядом, пусть в разных комнатах, но разделенные лишь тонкой стенкой.

Бровкина училась заочно, что не отнимало у нее много времени. Работать она устроилась офис-менеджером в фирму по продаже строительных материалов и получала больше Нади. Саша почти все время находился на съемках, приезжал или прилетал на пару дней, а потом мог на месяц исчезнуть. Или на две недели. Но все равно без него Наде было немного тоскливо.

Хотя Татьяна скучать ей не давала. Девушка постепенно осваивалась в городе, заводила знакомства и каждый вечер подробно рассказывала о том, что с ней происходило днем. Как ни странно, но Надю эти рассказы увлекали, она внимательно слушала, иногда смеялась, а иногда сочувствовала. У Бровкиной уже появились поклонники, некоторые из них даже делали предложения, не всегда пристойные, правда. В близком общении Татьяна отказывала всем. Могла, конечно, сходить с кем-то в ресторан, в ночной клуб или в кегельбан, но на том все и заканчивалось. Почти все ее поклонники были женатыми, а те, что оставались свободными, Бровкину как-то не вдохновляли.

Надя иногда и сама удивлялась, как она так легко сошлась с девушкой, с которой у нее все было разным: воспитание, образование, взгляды на жизнь и на мужчин. Но других близких подруг у Нади не было. За пять лет учебы в институте она ни с кем не подружилась. Общалась, конечно, ни с кем не ссорилась, и некоторые девушки ей даже казались добрыми, приятными в общении, но у них была своя жизнь – имелись мужья, а порой уже и дети. А вот дружбы не получилось, значит, не притягивало сердце к ним. Раньше, в школе, были две девочки-подружки, с которыми, казалось, связывало все. И после окончания школы Надя общалась с ними – благо, что те жили неподалеку. Позже одна из них, учась на третьем курсе, вышла за выпускника Морского корпуса и уехала с ним в Североморск, а вторая замуж не вышла, только почему-то стала от Нади скрываться. По слухам, она сильно растолстела и не желала, чтобы ее видели такую. Если бы не было новой подруги, Татьяны, Надя наверняка разыскала бы ее, но все было недосуг: работа, походы в театр и вечерние посиделки с Бровкиной.

А еще по выходным они вдвоем ходили по модным магазинам. Правда, Надя почти ничего себе не покупала, а вот Таня решила полностью сменить свой гардероб. В том, что девушка привезла с собой из родного города, по ее мнению, в офисе лучше не появляться. Впрочем, это стало сразу понятно, едва она устроилась на работу, а потому Надя давала ей что-нибудь из своего гардероба. Потом у Бровкиной появились собственные деньги, и она узнала о распродажах. Пару раз сходила одна, купила кучу всякой ерунды, вернулась домой и сама поняла это, а потому в набеги на магазины приглашала с собой Надю. Раза два с ними отправлялся и Саша. Но ходить с ним вдоль прилавков было не очень легко, потому что Холмогоров начинал набирать популярность, его узнавали, смотрели на него и разглядывали, да еще приставляли, выпрашивая автографы. На подобные случаи у Нади имелась верная подруга, которая, видя, что Сашу окружают девчонки со сверкающими глазами, брала его под руку и уводила, плавно повиливая бедрами.

Естественно, ни Надя, ни Холмогоров Бровкиной даже не намекали, мол, пора бы той съехать, не задавали вопросов о том, когда девушка подыщет себе жилье. Даже когда звонили

родители Нади и трубку снимала Бровкина, папа или мама интересовались у нее, как дела, как работа, и только потом просили пригласить к телефону свою дочь. Конечно, могло оказаться, что оба они воспринимают Татьяну как домработницу, но все равно были очень вежливы с ней.

Как-то незаметно прошел год.

Весной Холмогорову предложили роль российского разведчика-нелегала в полнометражном шпионском триллере, действие которого происходит в Мексике. Продюсеры выбрали место для съемок в Хорватии, и в июне съемочная группа отправилась туда. Саша должен был прилететь отдельно и не один: ему удалось уговорить продюсеров взять Надю ассистентом режиссера по работе с актерами. Она должна была проверять, как актеры учат текст, и подсказывать, в случае если кто-то что-то забудет. Татьяна отправилась в аэропорт их провожать. Когда объявили посадку на рейс, Бровкина обняла и прижала к себе Надю.

– Мне так хочется поехать с вами, – призналась она, – я никогда не отдыхала за границей.

– Так мы ведь не отдыхать летим, – напомнила Надя.

Таня обернулась и быстро чмокнула Сашу в подставленную щеку.

Супруги миновали таможенный пост и паспортный контроль. Холмогоров в последний раз обернулся, кинул взгляд на Бровкину и посмотрел на жену:

– Вроде Танька изменилась, – сказал он. – Или мне кажется?

– Похорошела?

– Не знаю, – дернул плечом Саша. – Но какая-то уже другая: не похожа на занюханную провинциалку.

За толпой веселых туристов, собирающихся к морю, за головами провожающих, за стойками и столами, шла к выходу Таня – шла не спеша, осторожно ставя ногу и держа спину прямо. Перед ней расступались, освобождая дорогу, на нее оборачивались не только мужчины – девушка как бы плыла на этих взглядах навстречу ласковому солнцу, раскрывшему ей свои теплые объятия.

Глава 5

Месяц оказался очень долгим, потому что был переполнен работой и впечатлениями. Наде уже начинало казаться, что такая жизнь будет длиться вечно. Утром она одна спускалась в ресторанчик маленького отеля, в котором разместились съемочная группа, проносились вдоль холодильных прилавков шведского стола, сгребая в тарелки колбаски, салатик и фрукты. Потом поднималась к себе. Саша уже был в душе и по обыкновению что-то напевал.

– Завтрак в номер заказывали? – кричала обычно Надя.

Потом они вместе завтракали на балконе, смотрели на горы, откуда сползали к стареньким расшатанным пирсам красные черепичные крыши рыбацких деревушек. Над морем висела дымка, сквозь которую едва можно было разглядеть маленькие белые точки отелей Дубровника. Саша еще пил кофе, затягиваясь сигареткой, а Надя уже бежала будить актеров. В коридоре ее останавливал режиссер:

– Черкашина, сводку не слышала?

– Всю неделю солнце.

Режиссер ругался вслух. А потом пытался оправдаться:

– Дождь нужен – кровь из носа! Любой дождик, а уж мы его превратим в проливной.

Надо было снимать пропущенный эпизод из начала фильма – герой Холмогорова убегает с фазенды наркобарона, за ним гонятся головорезы, хлещет ливень, кто-то из преследователей срывается со скалы в пропасть, а герой, скользя по грязи, несется по склону, пока не вылетает на размытую дождем проселочную мексиканскую дорогу, где на обочине увяз джип симпатичной американской журналистки, оказавшейся потом офицером Федерального агентства по борьбе с наркотиками. Эпизод с погоней уже сняли в один из ясных вечеров, так как небо по-прежнему оставалось безоблачным. Двое гостиничных садовников запускали вертикально вверх струи из шлангов, а Надя лила воду из лейки, держа ее перед самым объективом камеры.

Однажды утром Саша произнес:

– Баста, сеньоры! Сегодня мы Надеждой отдыхаем. И маньяна {Маньяна – завтра (исп.)} отдыхаем. И после маньяна тоже. Трес диас – полная сиеста с фиестой. Три дня отдыха – какое счастье!

Съемки в Хорватии завершились. После чего надо было вернуться в Россию, немного поснимать там на натуре, затем последуют несколько съемочных дней в павильоне, озвучка и – все, для Холмогорова работа была окончена. Разумеется, не надолго. А для Нади последний съемочный день в Хорватии стал расставанием с миром кино. В России с актерами должен будет работать уже другой ассистент. Всей группе дали три дня на отдых, пляж и шопинг. А Надя с мужем провели это время в гостиничном номере, потому что не могли насладиться друг другом.

И в салоне самолета она сидела, склонив голову на плечо Холмогорова.

Ровно гудели двигатели, за шторкой окна висела газовая пелена невесомых прозрачных облачков. Кто-то рассмеялся у них за спинами...

И тогда Саша шепнул едва слышно:

– Мне обещали полторы тыщи за съемочный день. Выходит, сорок пять тысяч евро за этот месяц только. Может, машину купим?

– Как скажешь, – одними губами ответила Надя.

И сама не услышала своего голоса.

...Спектакль подходил к концу, но перед самым финалом Надя поднялась с приставного стульчика и выскользнула из зала. Ей надо было срочно попасть за кулисы, хотя она даже не знала зачем. Вероятно, по работе. Ей, судя по всему, заказали рецензию. Но какую и о чем?

Она не помнила даже названия постановки, не то что действия. Вполне возможно, ставили «Волки и овцы», но и в этом Надя не была уверена. Если в самом деле Островский, то весьма странная интерпретация. В памяти не осталось ни имен персонажей, ни фамилий актеров, и представляемые образы ускользнули от нее, словно она и не была на спектакле вовсе.

Колыхнулась драпировка из пыльного плюша, за занавесом должен быть проход к служебным помещениям, но выбраться из портьеры не удавалось – Надя запуталась в ней и чем больше хваталась за ткань, тем темнее и страшнее ей становилось. Где-то далеко отзвучали аплодисменты и унеслись куда-то. Осталась только пыльная душная тишина. Надя хотела крикнуть, но не знала, кого можно позвать. И внезапно поняла, что бесполезно кого-либо звать, потому что она там, где уже никто не поможет. И от этой простой мысли стало вдруг мутно и жутко, испарина выступила на лбу, холодок пробежал по спине. Захотелось закричать, нет – заорать. Не звать кого-то на помощь, а именно так распрощаться с жизнью, чтобы хоть кто-то услышал ее в последнее мгновение.

Ткань вдруг начала раскручиваться, и Надю завертело как в водовороте. Наконец она поняла, что ее ничто не стесняет, не держит, и разглядела бледный свет ночника в театральном коридоре, а рядом с собой крупную фигуру какого-то старика. Хотела поблагодарить его, но только тут узнала. Это был народный артист Журавлев.

– Спасибо, Николай Георгиевич, – поблагодарила его Надя.

И вдруг осеклась, вспомнив, что Журавлев уже давно умер. Когда-то он и в самом деле приходил к ним домой, сажал к себе на колени маленькую дочку своих учеников, ставших его коллегами по театру, друзьями, произносил возле ее маленького ушка раскатистым бархатным басом:

У Лукоморья дуб зеленый.
Златая цепь на дубе том...

Он рассказывал так проникновенно и ясно, что Надя видела перед собой огромное дерево с густой кроной, кота, гуляющего по толстой золотой цепи, русалок, царевну в темнице и серого волка... Николай Георгиевич лучше всех читал стихи. Он был учеником самого Качалова, и многие, кто мог их сравнивать воочию, говорили, будто Журавлев в декламации даже превзошел своего великого учителя.

– Зачем ты здесь? – спросил у Нади старый актер, и от его голоса задрожала свеча ночника в пустом и жутком коридоре.

– Заблудилась, – прошептала Надя, замирая сердцем от того, что ей приходится разговаривать с человеком, которого уже давно нет на свете. Промелькнула почти безумная мысль: а вдруг Журавлев не умер, а просто ушел из театра? Сам же инсценировал свои похороны, и панихиду в Доме актера, и прощальные речи друзей и чиновников от искусства, сам написал тексты прощания и сказал, как надо произносить то или иное слово, а в каком месте делать паузу и смахивать платочком слезу...

– Не бойся, святая душа, – улыбнулся Николай Георгиевич и погладил ее по голове, – ступай себе с богом. Только будь осторожна – постарайся не встретить едоков картофеля.

Ночник вспыхнул и приблизился в одно мгновение. Теперь Надя стояла перед входом на темную лестницу. Она обернулась, чтобы увидеть мастера – человека, которому ее родители поклоняются всю жизнь, но позади была лишь тьма, и ничего больше. Надя вступила на каменные ступени и содрогнулась – те качались, и подниматься по ним было очень трудно. Но она шла и шла вверх. Потом свернула в какой-то коридорчик, затем в другой. И вдруг поняла, что не может найти выход. Надя металась в разные стороны, но везде были одни лишь каменные стены. Наконец блеснул слабый свет, и она пошла на него. Коридор постепенно расширялся, еще несколько шагов, и Надя оказалась на пороге просторного помещения с высокими, теря-

ющимися где-то наверху потолка. Шагах в десяти от входа стоял стол, освещенный висящей в воздухе лампадкой, на столешнице виднелось огромное блюдо с какой-то едой. Люди ужинали. Надя шагнула к ним, чтобы узнать, как выбраться из этого страшного места, и – замерла, потому что поняла: четверо людей, сидящих за столом совсем рядом, – неживые. Они неподвижны, они застыли в вечности. Даже нарисованная в воздухе лампа – предмет более одушевленный, чем эти существа...

Надя стала пятиться, стараясь остаться не замеченной этими людьми. Посмотрела на стол и задрожала от ужаса – по плоской поверхности перекатывались картофелины, и не просто перекатывались, а бегали одна за другой, что-то кричали друг другу и ругались – только слов не было слышно. Надя подняла взгляд и застыла: четверо человек, сидящих за столом, теперь смотрели на нее.

– Простите, – прошептала Надя, – мне надо идти.

После ее слов неживые люди переглянулись, и один из них кивнул. И тут все пространство, весь темный мир, который окружал Надю, затрясся, дрогнула лампа над столом, и в единое мгновение мир свернулся, как старый ковер, который кто-то смог так ловко сложить, перед тем как вынести во двор и выбить из него пыль...

Ровно работали двигатели, из-за шторы на иллюминаторе пробивалось солнце. По проходу авиалайнера стюардесса катила тележку с прохладительными напитками.

Глава 6

Татьяну они решили не предупреждать о своем приезде. Когда вышли из лифта, сразу услышали громкую музыку, которая неслась из-за двери их квартиры. Холмогоров отпер ключом дверь и вошел первым. Вошел, опустил на пол чемодан и остановился удивленный. Через проем входа в гостиную было видно, как какой-то невысокий темноволосый парень танцует с полной молодой женщиной. Они прижимались друг к другу в танце, рука парня скользила по полной талии все ниже и ниже, а женщина, которой, судя по всему, очень нравились его прикосновения, гладила мужскую ладонь, сжимавшую ее ягодицу, и откидывала голову назад, подставляя лицо для поцелуев.

Саша шагнул в гостиную.

– Добрый вечер, господи.

Взял лежащий на столе пульт от музыкального центра и выключил звук. Надя заглянула из-за спины мужа и увидела Татьяну, которая пыталась вырваться из крепких объятий другого парня. Бровкина попыталась вскочить, но тот, с кем она еще мгновение назад целовалась, удержал ее за шею.

– Сиди, я сказал.

– Так... Никто не хочет здороваться с хозяином дома? – удивленно произнес Холмогоров.

– Проходи и садись за стол, – махнул рукой мужчина, удерживавший Бровкину. – Бери кушать, пить бери, что хочешь. Хочешь коньяк, хочешь вино.

– В своем доме я могу обойтись без вашего приглашения, – тряхнул головой Саша. И посмотрел на Таню: – Что тут вообще происходит?

– Это моя старшая сестра Валя, – начала объяснять Бровкина, – а это ее коллеги по работе.

– Здрасьте, – широко улыбнулась Валя. И показала рукой на парней: – Аслан и Ахмет.

– Вы на овощном рынке трудитесь? – поинтересовался Холмогоров у старшей Бровкиной.

– Почему? – не поняла та. – В фирме работаю...

Оба парня внимательно изучали Холмогорова. Они, видимо, не ожидали, что хозяин квартиры окажется таким высоким и крепким.

– Если бы ты был в моем доме, – сказал приятель Татьяны, – то я бы тебя принял, как полагается.

– Дело в том, что я в чужие дома без приглашения хозяев не хожу. А если бы оказался в ситуации, подобной теперешней, то немедленно извинился бы и постарался поскорее исчезнуть. Чего от вас и жду.

Мужчины переглянулись. У них явно были свои планы на вечер, и уходить они не собирались.

– Ты хоть знаешь, кого гонишь? – поднимаясь с дивана, произнес тот, что сжимал в объятиях Бровкину. – Понимаешь, что оскорбляешь нас? А оскорбления не прощают...

– Надеюсь, минуты вам хватит покинуть мой дом. Девушек можете с собой забрать. Напитки и закуски тоже прихватите, я все равно их выброшу.

Парни снова переглянулись. А Холмогоров снял пиджак, чтобы соперники увидели, какие у него накачанные руки.

– Время пошло. Через пятьдесят секунд я выбрасываю вас лично или приглашу для этого специально обученных людей в бронежилетах и с автоматами.

Саша взял за руку Надю и повел на кухню. Посадил ее на стул, а сам остался стоять. Отсюда было слышно, как собирают со стола, как звякает посуда и как, упав на пол, разбился бокал. Оба парня шепотом возмущались, но слов было не разобрать.

– Минута прошла! – крикнул Холмогоров в пространство коридора. – Вызываю ОМОН!

В прихожей прозвучали шаги. К входной двери подошла сестра Татьяны, отодвинула защелку и распахнула дверь. Тут же мимо нее проскочили оба парня, нагруженные полиэтиленовыми пакетами.

– Нашего ничего не прихватили? – крикнул им вслед Саша.

Таня не появлялась. А сестра ждала именно ее.

– Одну секундочку, – обратилась Бровкина-старшая к сидящим на кухне хозяевам, – последний штрих, как говорится. – И крикнула в сторону гостиной: – Ты скоро? Семеро одного не ждут.

Что ответила Татьяна, слышно не было, но ее сестра махнула рукой:

– Ну, как знаешь, расхлебывай все сама.

Дверь в квартиру захлопнулась. Холмогоров подошел и запер ее на задвижку. Не торопясь разулся, сунул ноги в домашние тапочки. В коридор вышла заплаканная Бровкина.

– Спасибо тебе, Саша, – прошептала она, – ты меня спас. Еще немного, и меня бы изнасиловали.

Холмогоров посмотрел на нее и покачал головой:

– Мне показалось...

– Тебе показалось, что я веселая? Так не кричать же! А вдруг бы ты полез в драку... Они страшные люди, у них ножи, могли ударить в спину. Я бы себе этого не простила.

Наде надоело просто присутствовать, сидя на кухне и делая вид, будто ничего не слышит и не понимает. Она тоже вышла в коридор.

– Здравствуй, Наденька, – прошептала Татьяна, – прости меня.

– Зачем ты их привела?

– Я? – возмутилась Бровкина. – Да я никогда бы не сделала такое! Все Валька придумала. Позвонила и сказала, что у нее для меня важное сообщение по поводу аренды квартиры. Я сказала: «Заходи». А она, гадина, привела этих...

Татьяна закрыла глаза руками, и плечи ее затряслись.

– Простите, простите, простите...

– Да ладно, – махнул рукой Саша, – сама хороша.

На том все и закончилось. Хотя нет, может быть, с этого все началось.

За балконной стеной гостиничного номера сияли звезды, а где-то внизу надрывались ночные цикады. Холмогоров поцеловал плечо жены, и она засмеялась.

– Щекотно? – спросил он. – Прости, но у меня по роли трехдневная щетина.

– Какая разница, есть у тебя щетина или нет, – ответила Надя. – Это я от счастья. Страшно даже подумать, что было бы, если б ты тогда не решился меня проводить.

– Решился бы в другой раз. Кстати, та попытка тоже была не первой.

– А почему ты выбрал именно меня? Ведь у нас столько красивых девушек училось?

– Причин много. Во-первых, ты красива, обаятельна, изысканна. Ты – вишенка в шампанском, а все другие рядом с тобой – шелуха подсолнечника в стакане дешевого портвейна. Ты умна, но не это самое важное. Причин очень много, а главное то, что я люблю тебя...

Это было в Хорватии. Вот и сейчас, проснувшись среди ночи, Надя подумала, что они еще там. Потому что хорошо и просто было на ее душе. Она обняла Сашу и прижалась к нему.

– Завтра надо съездить на студию, – сказал тот, не открывая глаз. – Решетов, если помнишь такого, позвонил и сообщил, что для меня имеется серьезное предложение.

Надя выскочила из метро и увидела стоящий на остановке автобус. Побежала к нему, хотела уже прыгнуть на ступеньку, но дверь захлопнулась перед самым ее носом. Автобус тронулся и – тут же остановился. Надя осторожно вошла внутрь.

– Спасибо! – крикнула она водителю.

– Меня благодари, – произнес женский голос за спиной. – Если бы я не завопила, этот нехристь так бы и уехал без тебя.

Надя обернулась и увидела Радецкую.

– Добрый день, Елена Юрьевна.

Пожилая дама подвинулась, освобождая часть сиденья, на котором сидела сама.

– Рассказывай, как устроилась.

Радецкая вела в институте историю театра и была очень требовательным преподавателем. Ей было за семьдесят, но выглядела женщина очень хорошо, а двигалась так грациозно и с таким достоинством, что многие студентки смотрели ей вслед с завистью. Елену Юрьевну уважали и боялись: сдать у нее экзамен с первого раза удавалось немногим. Надя была как раз из числа таких прилежных студентов. И, вероятно, поэтому Радецкая ее помнила хорошо. А может, еще и потому, что они жили поблизости и не так чтобы часто, но встречались в транспорте или в магазинах.

Встретив сейчас бывшую преподавательницу в автобусе, Надя рассказала о своей работе в журнале и еще кое-что по мелочам. Так увлеклась, что даже проехала две лишних остановки, пришлось возвращаться пешком, потеряв минут пятнадцать. Как потом выяснилось, именно эти пятнадцать минут сделали ее несчастной.

Она вошла в квартиру и услышала, как в открытые окна вливается стрекотание газонокосилки.

«Саша спешил на студию и не закрыл створки», – подумала Надя и хотела прикрыть окно на кухне, шагнула туда. Но тут же услышала какой-то иной звук и даже не поняла, что услышала, только это «что-то» долетело в ее сознание не из окна. В доме еще кто-то находился.

Надя заглянула в гостиную, посмотрела в сторону спальни. Быстро прошла по ковру, распахнула дверь. Распахнула и зажмурилась от того, что увидела. Через мгновение, открыв глаза, столкнулась взглядом с Бровкиной. Таня спокойно смотрела на нее поверх мускулистого плеча Саши и молчала. При этом продолжала двигаться всем телом, но уже молча, хотя за несколько секунд до этого стонала от страсти.

– Хватит! – крикнула Надя и выскочила из комнаты.

Перестало скрипеть супружеское ложе. Что-то шепнул Холмогоров, но не было слышно, какие слова он сказал Бровкиной. Только Надя и не хотела ничего слышать. Она прижала ладони к ушам, в которых продолжали звучать неискренние Танькины стоны. Все расплывалось перед глазами. По стеклу портрета мамы в роле Кручининой ползла муха. Газонокосилка под окном смолкла, и мир накрыло тишиной, от которой стало еще страшнее.

– Надя, – прозвучал за спиной голос мужа, – это не то, что ты думаешь...

– Саша попросил меня для роли с ним поработать, – пришла на помощь Холмогорову Татьяна.

Надя обернулась и увидела мужа, застегивающего на груди белую рубашку. Бровкина в шифоновом платье стояла в шаге от него и делала вид, будто ничего особенного не произошло. Платье она, видимо, в спешке снимала через голову и в спешке снова влезла в него, не заметив, что надевает изнаночной стороной наружу.

– Для роли, – повторила Танька. – Это же имитация была, а не на самом деле.

Холмогоров скривился от ее лжи, но промолчал.

Надя посмотрела на мужа, и тот отвернулся.

– Хорошо, – кивнула Надя, – продолжайте репетировать. Только не в этом доме. Собирайте свои вещи и подыскивайте себе другую сцену...

Холмогоров наконец посмотрел на нее и все понял. Сжался как-то весь и вернулся в спальню к гардеробу.

Зато Бровкина не шевельнулась.

– Ты что, обиделась? – удивилась она. – Но мы же подруги! Ну, да, признаю, мне не надо было ложиться на эту репетицию топлес. Но Саша сказал, что в сценарии...

Надя посмотрела за спину Бровкиной и увидела, как Холмогоров упаковывает свои вещи в тот самый чемодан, с которым они летали в Хорватию.

– Тебя, Таня, это тоже касается, – с неожиданным спокойствием напомнила она недавней подруге, – так что забирай свои топлесы и катись...

Бровкина всплеснула руками и покачала головой.

– Наденька, я ж не хотела! А Саша уговорил, дескать, для искусства требуется. Я же такая доверчивая, когда у кого-то что-то не ладится...

Холмогоров дернул плечами, замер, вероятно, хотел обернуться, но не стал. А Надя ждала, потому что решительности у нее уже никакой не осталось.

Слезы кончились, и сил рыдать больше не было. Ломило все тело, и Надя не могла пошевелиться, чтобы не причинить себе новой боли. А боль внезапно возникала в самых неожиданных местах: могла выстрелить в висок, в сердце или в спину. Каждый из этих «выстрелов» не был смертельным, но приносил новую муку и не давал забыть о том, что произошло днем. Она не хотела об этом вспоминать, но и думать о чем-то ином не могла. Причем думала вроде и не сама Надя, а чье-то сознание, может быть, даже ее собственное, но существующее отдельно от нее и в каком-то другом измерении, где нет ничего, кроме мыслей о Саше. Надя лежала с пустой головой, из которой непонятным образом вылетели всякие мысли о будущем, о добре, о ней самой, о газонокосилке, удалившей с земли вместе с травой ростки всего лучшего, что было в мироздании...

Надя продолжала лежать, когда за окном начало светлеть небо. И потом, когда проснулись птицы и по улице поползли первые троллейбусы, все так же лежала неподвижно, уткнувшись взглядом в потертую обшивку старенького дивана. Спала ли она вообще?

Глава 7

Семь лет назад Надя получила диплом, а в памяти о радостном событии осталась только пьянка. Почти шесть лет назад она развелась, и подробностей развода не помнит вовсе. Осталось только ощущение глупости и бессмысленности всего происходившего, да еще фраза, брошенная вскользь Холмогоровым: «Хочешь всю жизнь быть дураком – женись на умной».

Это было очень обидно. В чем ее вина? В том, что не простила? Так ведь Саша сам подал на развод. Вернее, подавали оба, но Надя надеялась, что он в самый последний момент разорвет свое заявление, прижмет ее к себе и не отпустит никогда. Даже представляла, как будет сопротивляться, вырываться, плакать и кричать, что ненавидит его. Но ничего этого не случилось. Холмогоров не только не разорвал злосчастную бумажку, но и написал новую – с просьбой развести их побыстрее и без его присутствия, так как очень занят на работе, которая связана с постоянными разъездами. Дама, принимавшая заявления в загсе, с восторгом смотрела на него и бросала осуждающие взгляды на Надю, словно не сомневалась в истинном виновнике, то есть виновнице разрушения молодой семьи. Развели Надю в гордом одиночестве.

Холмогоров к тому времени уже перебрался в Москву, и дела его быстро шли в гору. Саша много снимался, у него брали интервью, а в журналах рассказывали, что он любит есть, у какого модельера одевается и с кем спит. О последнем, правда, в интервью не спрашивали, но намекали о его знакомствах с гламурными красотками.

Тогда же, в день развода, когда Надя возвращалась из загса, моросил нудный дождик, мелкий и равнодушный. На душе у нее тоже была сырость. Теперь в ее жизни не осталось никого, ради кого стоит жить. Мужа нет – плохо, друзей нет – беда. Хотя, если честно, вряд ли она считала Бровкину настоящей подружкой. И все же было обидно, что Холмогоров именно с ней совершил эту подлость. Прикидываясь невинной овечкой, Татьяна несколько раз звонила, но Надя бросала трубку. Потом Бровкина заявила в квартиру – якобы за оставленными вещами. Вещи ее и в самом деле там оставались, но Таня пришла не только за ними: она снова попыталась все объяснить. Правда, версию о репетиции какой-то Сашиной роли уже отбросила и честно сказала, что не устояла: «Он ведь такой сильный!» И в этот раз собиралась включить вариант об изнасиловании. Только Надя ее вещи заранее собрала и упаковала, так что Бровкина ненадолго задержалась в квартире и развить тему не успела.

На работе все было плохо: журнал разорялся, зарплату задерживали, сотрудники разбежались. Наде приходилось работать больше, причем как раз тогда, когда делать что-либо не хотелось вовсе, да и сил не было.

А теперь еще и этот дождик...

Она вошла в магазин, свернула зонтик, стряхнула с него капли. И тут же увидела Радецкую. Елена Юрьевна помахала ей рукой, Надя подошла и поздоровалась.

– Почему такая грустная? – спросила пожилая дама.

Надя пожала плечами.

– Обыкновенная.

– Это ты-то сейчас обыкновенная? – рассмеялась старушка. – Рассказывай, что у тебя стряслось.

– С мужем только что развелась.

– Так это он должен горевать, что тебя потерял, – продолжала радоваться Радецкая. – Я, например, трижды была замужем, и каждый раз счастливо. Первый муж бросил меня и потом локти кусал. Второй бросил не меня, а Родину – эмигрировал во Францию, я отказалась с ним ехать. Там он стал весьма известным художником. А третий муж два года назад умер. Так что не стоит отчаиваться: только у мужчин жизнь делится на две половины – одна до брака, вторая после развода. А женщинам...

Елена Юрьевна заглянула Наде в лицо.

– Ты что, голубушка, плакать собралась?

– Это дождь, – объяснила Надя.

– Ну, и правильно, – согласилась старушка, – так что готовься ко второму браку.

– Два раза в одну реку?

– Почему в одну и ту же? Ты всяких там Гераклитов слушай, они потому и вымерли все, что забивали свои головы философской ахинеей. Семейная жизнь – счастье, когда оба любят. А если нет взаимной любви, зачем тогда такой брак? Семья ведь не игра, в которую один играет, а второй подыгрывает. Это ж дело такое – все вместе, все пополам, все на двоих: и любовь, и дружба, и страсть, когда ласковые и нежные слова произносишь не по обязанности или по привычке, а от всего сердца и от души, которая переполнена любовью... Ты зачем в магазин пришла?

Надя пожала плечами.

– Ну, тогда ничего не покупай. Я вот тут тортик взяла, а разделить его было не с кем. Так что пойдем ко мне чай пить.

Квартира Радецкой оказалась огромной. Три большие комнаты и еще маленькая, возле кухни, которая, вероятно, когда-то планировалась как жилплощадь для прислуги. В этой комнатухе Елена Юрьевна и оборудовала свою спальню. Впрочем, именно ее она Наде и не показала. Махнула рукой и сказала: «Вон там я ночую». Зато другие покои продемонстрировала с явным удовольствием. Мебель была старой, с резьбой на фасадах, но Надя лишь бросила беглый взгляд на шкафы и горки, потому что нашлось еще куда посмотреть – все стены были увешаны картинами.

– В моей семье никто целенаправленно не коллекционировал живопись, – объясняла Радецкая, – но прадед кое-что приобрел в подарок прабабке, потом дед купил пару этюдов Шишкина, вот они висят, а отец был знаком с Ларионовым, и тот подарил ему небольшую работу.

– Тут же, наверное, целое состояние! – поразилась Надя.

– Думаю, так и есть. Если бы продать все это, то можно обогатиться, без сомнений. Но я ни с одной из картин расставаться не собираюсь. Каждое из полотен что-то для меня значит, навеивает какие-то воспоминания. А как отказаться от своей памяти? И если в трудные годы никто из моих предков ничего не продал, то почему я должна это делать? Кстати, тут много работ моего второго мужа. Было больше, но большую часть я ему отвезла, когда он на Западе в фавор вошел. Михаил тут же их на продажу выставил. Что ж, его право: он автор, хочет – продает, хочет – печку своими холстами топит.

Надя остановилась у небольшого полотна в темных тонах, стала разглядывать его, а потом обернулась и посмотрела на хозяйку.

– Эту копию сделал ваш муж?

Радецкая помялась, а затем покачала головой.

– Хотя нет, это не копия, – сказала Надя, продолжая разглядывать холст. – У Ван Гога за столом сидят пятеро, три женщины и двое мужчин, а здесь только четверо, и позы у них другие... Лампа вроде такая же, хотя я не очень хорошо помню.

– Ты права, – кивнула Елена Юрьевна. – Ладно, пойдем чай пить.

В чем она права, Надя так и не поняла – в том, что картина не копия, или в том, что не помнит хорошо? А хозяйка быстро перевела разговор на другое:

– У меня внук тоже художник. Очень талантливый мальчик, но безалаберный. Хочет – рисует, а нет – ерундой какой-то занимается. Я как-то прихожу к нему в мастерскую, гляжу – на стене висит полотно Караваджо. Но поскольку это не мог быть Караваджо, пригляделась получше. «Павлик, – спрашиваю, – ты что, копии начал делать?» Он молчит, стоит и улыба-

ется. Ясно, что не копия, потому что такой работы Караваджо я не знаю. Сюжет понятен – «Отречение Петра»: стражники схватили Петра и показывают на Христа, а тот руки в стороны разводит. Я подошла ближе – Караваджо чистой воды! Подрамник проверила – старый, на холст с обратной стороны глянула – современный. «Павлик, – говорю, – если ты решил подделками заняться...» Тогда он объяснил, что какой-то нынешний нувориш «завис», как внук выразился, на Караваджо и хочет иметь у себя в доме. А где ж Караваджо купишь? На аукционах его не бывает. Рубенс или Тициан – пожалуйста. Даже Рембрандт как-то в «Кристи» или в «Сотбис» выставлялся на торги. А подлинный Караваджо – никогда. С такими шедеврами владельцы не расстаются. Они скорее всю остальную коллекцию продадут и дом в придачу, нищими станут, но что бы такое полотно потерять...

– То есть вы хотите сказать, что даже вы, когда увидели в мастерской своего внука...

– Именно, – гордо произнесла Радецкая, – купилась как последняя лохушка.

Бывшая преподавательница и бывшая студентка пили чай, долго разговаривали, потом еще раз смотрели картины. И Надя снова остановилась возле «Едоков картофеля». Она уже не задавала вопросов, потому что догадалась, что это творение не Ван Гога, а внука Радецкой. Поразились про себя мастерству воспроизведения манеры великого художника, глубине темных красок, сочетаниям лиловых и желтых тонов.

Так у Нади появилась новая подруга. Они встречались часто, а перезванивались по несколько раз на дню. Елена Юрьевна была одиноким человеком – о внуке своем она вспоминала часто, но тот пропал неизвестно где. Вполне возможно, Радецкая что-то знала о его местонахождении, но молчала по какой-то причине. А Надя и не расспрашивала. Сама она хотела лишь одного – спокойствия.

Жизнь без Холмогорова не то чтобы наладилась – как раз наоборот: каждый день становился лишним подтверждением тому, что ничего уже не вернуть, однако кое-что положительное все же случалось. У журнала, в котором работала Надя, появился новый владелец, увеличивший, пусть даже немного, оклады сотрудникам. А еще он сменил название: теперь издание носило громкое имя «Подмости». Оставшиеся в штате соревновались в остроумии, придумывая и другие «звучные» названия: «Подметки», «Подмышки» и тому подобное, которые, понятно, произносились с оглядкой и шепотом. Так же тихо все хихикали. Все, кроме Нади. Она приходила в редакцию работать, и только.

Все шло своим чередом – чередом серым и унылым. Пока снова на ее горизонте не появилась Бровкина.

Глава 8

Новый год Надя и Елена Юрьевна решили встретить вместе. Конечно, Наде хотелось, чтобы и родители приехали, но у отца с матерью была золотая пора заработков. Папа – вечный Дед Мороз, а мама, много лет радовавшая детвору в образе Снегурочки, теперь представляла сказочную Фею. Впрочем, Надя сама не хотела оказаться в шумной компании – общество Радецкой ее вполне устраивало.

Пришлось, правда, настоять, чтобы Елена Юрьевна пришла праздновать к ней, чтобы не вынуждать пожилого человека торчать в предпраздничные часы на кухне в ожидании гостей. Надя собиралась наготовить побольше, да и посидеть, отмечая наступление нового года, подольше. Но старушка, словно почувствовав подвох, явилась намного раньше назначенного времени. Вместе они не спеша готовили салаты и разговаривали. Вскоре Надя поняла, что по части кулинарии ей за Радецкой не угнаться.

– Как же вас первый муж бросил? – удивилась она. – Красавица, образованная, да еще и готовите так, что только за это муж должен был вас ценить.

– Так и ценил. Ну, глупость сделал, а я не простила. Прибегал потом, обратно просился. И даже, когда снова женился, а я замуж вышла, все равно приходил к нам, поболтать будто. Мне жалко его было. И к тому же я уважала его. Большой ведь талант.

– О ком вы говорите?

– Моим первым мужем был Николай Георгиевич Журавлев, артист, к сожалению, не только на сцене, но и в жизни. Каждый его выход – мизансцена. И всегда блестящая. А если что-то спрашивал меня, то тут же повторял вопрос, но уже с другой интонацией: ему хотелось быть убедительным даже в мелочах. До самой своей смерти оставался большим ребенком, наивным и чистым. Квартира ведь мне от него досталась, он ушел от меня к своей студентке, а потом уж получил, как народный артист и лауреат, другую.

– Ну, ему хоть тратиться на новое жилье не пришлось.

– Даром и тогда ничего не давали, – заметила Елена Юрьевна. – Какому талантливому человеку охота читать в Кремлевском дворце съездов стихи о советском паспорте или отрывки из поэмы «Ленин»? Хотя нет, были такие, что от всей души рвались на эту сцену и там в исступлении орали: «Партия и Ленин – близнецы-братья! Кто более матери-истории ценен...»

Радецкая рассмеялась. А Надя вдруг вспомнила, как на втором курсе они с Холмогоровым готовили оливье, и Саша неожиданно опустился возле стола на колени и попросил стать его женой. Может, и ее муж большой талант, а она, плохая жена, этого не разглядела?

Надя отложила в сторону нож и опустила руку: ладонь абсолютно явственно ощутила прикосновение Сашиных губ. И в то самое мгновение раздалась трель квартирному звонку. Надя вдруг подумала, что это может быть только Холмогоров, и бросилась к двери. Распахнула...

На пороге стояла Татьяна Бровкина, забормотавшая:

– Прости... Пришла просто поздравить...

– Я не одна.

– Я на минуточку только. Не помешаю. Вот...

Бровкина протянула пакетик.

– Это подарок от меня.

Надя спрятала руки за спину.

– Мне от тебя ничего не надо.

И тут подошедшая Радецкая взяла сверток.

– Проходите, барышня. Не знаю, какая кошка пробежала между вами, но все обиды следует оставить в уходящем году.

– Но... – попыталась возразить Надя.

Елена Юрьевна погладила ее по спине.

– Прости ее, и тебе самой легче станет.

Спорить не имело смысла.

Так втроем и встретили Новый год. На удивление, Бровкина вела себя спокойно и говорила мало. Рассказала только, что нашла себе другую работу. Зарплата, правда, небольшая, зато есть хорошие перспективы для карьерного роста. Как выяснилось, Татьяна стала трудиться в районном КУГИ{КУГИ – Комитет по управлению городским имуществом.}. Надя слушала, что та говорит, и делала вид, будто ее это очень мало интересует, а потом поняла: а все же слушает. Неужели уже простила? Хотя, собственно, прощать-то за что? В чем провинилась девушка? Во всем виноват Саша! Как он там, кстати...

Часть вторая

Глава 1

Холмогоров прошел за кулисы и прислонился к стене. Рядом притоптывал ногами и прищелкивал пальцами человек в шароварах с блестками и с испитым лицом – популярный некогда эстрадный певец. Саша не мог вспомнить ни его имени, ни фамилии. Крутилось что-то в голове и не всплывало. Но в голове сейчас все крутилось.

А на сцене клуба гремели гитары, и какие-то мальчики орали:

Будем пить водку и есть оливье
С первого и по тринадцатое...

Холмогоров обратился к человеку в блестящих шароварах:

– Пацаны через пять минут закончат, я вас уже объявил, так что выходите на сцену и работаете. Только у меня просьба: у вас по программе две песни – постарайтесь растянуть их. Поговорите с залом, поздравьте с Новым годом, анекдотец расскажите...

– А я че, похож на артиста разговорного жанра? Щас, ага, разбежался! А не пошел бы ты...

Это было уже хамством, и Холмогоров убрал с лица всю доброжелательность.

– Послушай, ты, звезда девяностых! У меня седьмой корпоратив за неделю, и если я сейчас не полежу полчаса, то вырублюсь. Короче, ты эти полчаса делаешь то, что тебя просят и за что лично от меня получаешь пятьсот баксов.

– Тысячу!

Саша достал из кармана бумажник, вытащил из него пять банкнот и протянул немоллоду человеку со словами:

– И так переплачиваю. Постарайтесь увлечь их своими хитами хотя бы на тридцать минут.

Затем вышел в коридор. И тут же рядом с ним вырос какой-то работник клуба со съехавшим набок галстуком-бабочкой.

– Саша, не обессудьте, но дочка, узнав, что вы у нас сегодня будете, просила для нее автограф. Она коллекционирует.

Мужчина держал в руках раскрытый блокнотик и «паркер» с золотым пером.

– Как дочку зовут? – устало спросил Саша.

– Кристина. Кристина Петрова. Жена ее так назвала, – извиняющимся тоном добавил человек со съехавшей бабочкой.

Пришлось взять блокнот и написать. *«Александр Холмогоров желает Кристине Петровой большой и чистой любви».*

– То, что нужно! – обрадовался работник клуба. – А то она...

– Где у вас комната отдыха?

– Прямо по коридору. Только там сейчас... В общем, занято помещение. Но на втором этаже есть номер с кроватью и душевой.

– Мне бы на полчаса просто ноги вытянуть, а то гудят – еле стою.

Собеседник поднялся с Сашей по лестнице и подвел актера к двери.

– Располагайтесь.

Холмогоров кивнул, поправил галстук на шее сопровождавшего и попросил:

– Через двадцать пять минут проверьте, чтобы я не заснул.

В номере было тихо. Почти в самом центре комнаты стояла огромная круглая кровать, возле которой примостились две квадратные вазы с орхидеями. Саша скинул пиджак и положил его на кресло, лег на постель и посмотрел вверх. В стеклянном потолке отражались белые орхидеи и он сам, лежащий на кровати. Холмогоров закрыл глаза и подумал: как хорошо было бы сейчас заснуть и проснуться уже дома. Потом подумал о двадцати тысячах евро, которые ему обещали за этот вечер. За двадцать тысяч, конечно, можно было бы и дотерпеть до конца, тем более что на завтра никаких корпоративов не намечается. Следующий только на Рождество, а потом на Старый Новый год.

Скрипнула дверь. Или показалось? Потом щелкнул замок. Холмогоров открыл глаза и увидел девушку – нет, молодую женщину, очень стройную, в коротком серебристом платье с открытой спиной. Александр скинул ноги на пол, садясь на постели со словами:

– Место уже занято.

– А я не буду мешать, – промяукала вошедшая, сбрасывая туфельки. И тут же опустила с плеч бретельки платья, которое соскользнуло вниз. Незнакомка осталась в трусиках-стрингах и в чулочках.

– Мой муж оплачивает этот корпоратив, это его банк гуляет сегодня, – объяснила она. – Я сказала, что хочу, чтобы ведущим вечера был ты, тебя и пригласили. А сейчас сообщила мужу, что ты устал, и я тебя отправила домой. Все же видят, что ты из последних сил держишься.

Девушка залезла на кровать и обхватила Сашу за шею.

– Если я, как все видят, держусь из последних сил, то на что вы сейчас рассчитываете? – слегка отодвинулся тот.

– Хочешь отдохнуть и выспаться или на сцену сразу пойдешь?

Холмогоров задумался. Желания возвращаться на сцену, чтобы и дальше веселить и без того разгоряченную алкоголем пьяную толпу, не было.

– Хочешь взбодриться? – спросила девушка.

Незнакомка соскочила с постели и подошла к креслу, на котором оставила свою сумочку.

– Тебе одной достаточно, или ты уже плотно сидишь?

– Не надо мне ничего.

– А я приму, а то тоже совсем сил нет.

Холмогоров посмотрел на девушку. Как та изогнулась красиво, а потом, выпрямившись, погладила увеличенную силиконом грудь.

– Может, половинку приму, – произнес он неожиданно для себя самого.

– Ну и правильно, – улыбнулась девушка, – для первого раза больше и не следует. Кстати, тебе уже не нужно куда спешить, все равно через час все разъезжаться начнут.

– А муж?

– Так он уже давно лыка не вяжет. Я охранникам велела тащить его в загородный дом и спать укладывать. А утром приеду и скажу, что в городской квартире ночевала. Да он и не ревнивый. Для него главное, чтоб я в его бизнес не лезла. Меня Илона зовут.

– А я – Саша, – представился Холмогоров.

Девушка хихикнула, подошла к нему, держа на ладони половинку маленькой таблетки. В другой руке у нее была пластиковая бутылочка минералки. Она сама вложила таблетку ему на язык, дала запить. А потом прижалась губами к его рту. Поцелуй был долгим.

– Я так долго ждала этого... – зашептала Илона, переводя дыхание и попутно расстегивая рубашку на груди Александра. – Я так тебя хочу... ты самый сексуальный из всех, кого я видела в жизни...

– Дверь закрыта? – поинтересовался Саша.

Она кивнула, продолжая ласкать его губами.

– Я в душ, – попытался подняться с кровати Холмогоров.

Но девушка уперлась руками в его грудь и не дала встать. И вдруг он почувствовал, что тело уже не такое тяжелое и что оно становится легким и невесомым – таким, каким бывает в море, когда лежишь на поверхности воды, подставив лицо солнцу и покачиваясь на едва ощущаемой спиной волне утреннего прилива. Мимо проплыло какое-то воспоминание, но он не повернул головы, чтобы разглядеть его получше. Да и не стоило этого делать, ведь то, что происходило сейчас, здесь, было значительнее и важнее того, что было прежде. Не было зимы, не было выпавшего накануне снега, не было ничего, что могло бы сделать Сашу слабым и нерешительным. Пахло цветами, чайки слетались к рыбацким судам, которые, звеня леерами, возвращались к деревянным, черным от вечности пирсам.

Время ушло куда-то, и пространство сжалось, цепко обхватив Сашу, отрывая от повседневности и страхов, оставляя во мраке то, что еще совсем недавно окружало его – зал ресторана, разговоры, смех, бряканье посуды, нелепая музыка, мысли о гонораре, о следующем празднике, который будет вести он – величайший актер и колосс, удерживающий на своих плечах мироздание. Александр поразился этой простой и ясной мысли и тому, что она не приходила к нему прежде. Нет, конечно, ему прекрасно известно, что он – гений. Знали это и другие, но другие завидовали, а он стеснялся объявить им о своем величии... Но теперь – зачем быть скромным?

Саша освободился от чужих губ и рассмеялся.

– Не останавливайся! – приказала Илона.

Мир очень прост. Почему же раньше казался таким необъятным и непостижимым? Хотя... На самом деле никакого мира и нет, все, что существует, находится внутри Саши, достаточно о чем-то подумать, и это явится, главное, чтобы была ясность мысли. Что ж, отныне его голова всегда будет ясной, и вселенная, подвластная ей, будет организованной; ничего не будет, кроме того, что желает он, и все мироздание сожмется в одну точку между существующим и желанным, весь мир замрет, готовый служить его удовольствию. Не будет ничего случайного, только запах орхидей, отблеск лампы на потолке, звук далеких шагов, спешащих к вечности, поворот ключа, чужие взгляды...

Неожиданно Холмогоров понял, что они с Илоной не одни в комнате, какие-то тени пробираются вдоль стен и замирают. Вспыхнул свет, и Саша вздрогнул, ослепленный. Прикрыл глаза ладонью и отстранил от себя девушку. Сел в постели, спросил:

– Вы кто? И по какому вообще праву врываетесь в помещение без приглашения?

Илона подняла сползшее на ковер одеяло и прикрылась. Саша постарался спрятать ее за своей спиной.

– Вы разве не видите, что я с дамой?

– Заткнись! – приказал плотный человек, развалившийся в кресле.

Еще трое или четверо мужчин стояли у стены и возле двери.

– А ты собирайся и вали домой, – приказал сидящий в кресле Илоне, – там с тобой разберемся.

– Вы что, ее муж? – удивился Холмогоров. – Надо же, а мне говорили...

Человек в кресле достал из кармана сигару и сорвал с нее целлофановую оболочку. Скомкал и бросил комок в Илону.

– Так вы – банкир! – вспомнил Саша.

– Тебе приказали заткнуться, – сказал кто-то из стоящих у стены.

Прикрываясь одеялом, Илона попыталась надеть платье через голову. Не получилось. Тогда она без всякого стеснения поднялась с кровати.

Телохранители ее мужа предупредительно отвернулись.

Облачившись наконец в платье, девушка наклонилась и подняла чулок. Стала искать второй, посмотрела по сторонам, а потом махнула рукой:

– В другой раз.

Надела туфельки. На Холмогорова она не смотрела, словно его не было вовсе. Оказавшись возле двери, не оборачиваясь, помахала ему ладошкой:

– Пока, пока... Чмоки, чмоки...

Затем вышла. Двое мужчин последовали за ней.

– Позвольте мне одеться, – снова подал голос Холмогоров.

Человек в кресле раскуривал сигару, а другие молчали.

– Не могу же я...

Ему не дали договорить: один из мужчин шагнул к кровати и ударил Сашу ногой в лицо.

– Если бы ты в банк мой забрался, – задумчиво заговорил банкир, – я бы понял. Ну, приперло, с кем не бывает. Может, работа у парня такая – сейфы брать. А ты в дом ко мне, в мою постель забрался...

Саша снова сел и потрогал заплывающую скулу. Голова гудела.

Сидящий в кресле выпустил кольцо дыма и поглядел, как оно тает в воздухе. После продолжил так же размеренно:

– По идее, мне надо тебя в мешок упаковать и на помойку выбросить. Но это слишком просто. За любую глупость нужно расплачиваться. Не скажу, что хочу нажиться на тебе, но моя честь все-таки чего-то стоит. Нехорошо, конечно, все отношения баблом мерить, но мочить тебя действительно самый простой выход. Даже кошку, которая мясо со стола стащит, нет резона сразу резать – она еще может мышку поймать.

– Я так понимаю, гонорар мне сегодня не светит.

– Не-а, – помотал головой муж Илоны, – и не надейся.

Холмогоров поднялся, начал натягивать брюки. Мужчины рассматривали его без всякого интереса.

– Может, на том и остановимся? – предложил Саша. – Двадцать тысяч евро за случайный секс и так слишком высокая цена.

– А я с тобой и не торгуюсь. К тому же не тебе решать, что и сколько стоит. Может, у меня по поводу тебя другие планы.

– Какие? – поинтересовался Холмогоров, надевая рубашку.

– Я еще думаю, – усмехнулся банкир.

Он смотрел, как Холмогоров зашнуровывает ботинки, как повязывает галстук.

– Убить тебя, помучить перед смертью, отрезать кое-что и Илонке скормить, конечно, можно, но этим я свою душу не спасу. Мне вообще глубоко плевать, что там, после смерти. Но – вдруг? Отправлю тебя туда, а ты ведь не вернешься и не поделишься информацией. Кстати, не ты первый. А потому – слушай мое решение. Сделаешь, как я велел, – прошу и забуду о тебе навсегда. Обманешь или не получится у тебя – жить тебе недолго останется. Ты же человек публичный, не скроешься. Не таких доставали... А то один решил меня кинуть и свалил в эту... как ее...

– В Тегусигальпу, – подсказал кто-то из телохранителей.

– Ну и чего? Нашли, приехали к нему. Деньги со счетов он все до последнего цента снял, домик свой продал. Надеялся, что откупился от меня. Хотя зачем ему жизнь нищая? Короче, его крокодилам отдали: все польза от него какая-то.

– В каком смысле – крокодилам? – не понял Холмогоров.

Телохранители банкира ухмыльнулись и переглянулись, довольные.

– На корм, – объяснил муж Илоны. – Не самая тяжелая смерть, между прочим.

– Это шутка?

– Хочешь проверить? Могу устроить.

Холмогоров попытался застегнуть пуговицу на пиджаке – не получилось. Тогда он потрогал распухшую скулу и почувствовал, как трясется его рука.

– Что вы хотите, чтобы я сделал?

– Я ничего не хочу, просто предлагаю. А вот ты очень и очень скоро сам захочешь реализовать мое предложение. Но если нет, то...

– Хватит запугивать, говорите уж.

Банкир перестал дымить, посмотрел на сигару в своей руке и протянул окурок через плечо. Один из телохранителей взял его и начал гасить о подошву своего башмака.

– Пепельницу забыли в номер поставить, – отметил, глядя на него, муж Илоны. – Одним словом, предложение мое таково. Ты отправляешься в Питер, приходишь к своей бывшей жене, говоришь, что не можешь без нее жить, умоляешь простить, на колени встанешь... Да не мне тебя учить, что делать. Ты артист, придумаешь, как все обставить убедительно. В общем, попросишь Надиной руки и снова женишься на ней. Вот вроде в целом и все...

– Все? – не поверил Холмогоров. – А в чем наказание для меня?

– Я разве говорил о наказании? – удивился банкир. – Я сделал тебе предложение, от которого ни один мужик в мире не отказался бы: мало того, что ему дарят жизнь, так еще предлагают в жены красивую и обаятельную, образованную и чуткую девушку. Таких, если признаться, не столь уж и много на свете. Но если ты категорически против, то скажи сразу, тогда мы тебе купим билет до Гондураса.

– Предположим, я согласен. И на этом все, что ли?

– Я же сказал – в основном. Только со свадьбой не тяни. Как праздники закончатся, так сразу и распишитесь.

Холмогоров ничего не понимал. Все происходящее скорее походило на розыгрыш. Ему даже показалось, что сейчас распахнется дверь, и в номер ввалятся люди с букетами цветов, начнут аплодировать и кричать: «Вас снимала скрытая камера! Это программа «Розыгрыш»! Вы стали ее участником!»

Но скула саднила, челюсть работала через боль – говорить и то было трудно.

Плотный человек наблюдал за ним с равнодушием, смотрел, как на таракана. И кивнул тоже как-то отрешенно.

– Я, уж так и быть, сделаю вам на свадьбу подарок, – произнес он, – тачку крутую или новую квартиру. Да-да, оставь тестю с тещей их жилплощадь, а сами в какой-нибудь пентхаус перебирайтесь.

«Вряд ли это розыгрыш, – пронеслось в голове Холмогорова. – Он знает имя моей бывшей жены, представляет, как она выглядит. И про Надиных родителей осведомлен. Может, знаком с ними? А вдруг все-таки Надя так разыграла меня, попросила кого-то... Нет, не может быть!»

– И на этом ваше предложение заканчивается? – спросил он.

Банкир задумался на мгновение, потом кивнул. Встал из кресла и сделал шаг к двери. Потом остановился, покачал головой.

– Хотя – нет.

Саша внутренне сжался, подумав, что муж Илоны передумал и сейчас прикажет своим головорезам расправиться с ним.

– Как-то все слишком уж сладко выходит, – произнес банкир. – Давай для равновесия вот о чем договоримся. У твоей бывшей, а теперь и будущей жены в доме хранится одна вещь, не представляющая для нее никакой ценности. Ты передашь эту вещь мне. Но передашь не просто так, а предварительно получив на нее нотариально заверенную дарственную от Надежды Черкашиной.

Глава 2

Елена Юрьевна посмотрела на часы и поднялась из-за стола.

– Шестой час уже, пора и честь знать. Давно так не засиживалась за столом, – сказала она, – надо идти.

– Мы вас проводим, – вызвалась Бровкина.

– Спасибо, – кивнула Радецкая, направляясь в прихожую. Остановившись возле входной двери, обернулась и взглянула на Надю: – Я не сделала тебе никакого подарка.

– Да мне...

– погоди! – не дала ей договорить Елена Юрьевна. – Подарок есть. Только дай слово, что не откажешься от него.

– Как можно от подарка отказаться? – встряла Татьяна. – Тем более, если он от чистого сердца.

– От чистого, – подтвердила старушка.

И Надя, не подумав, кивнула.

Раздался звонок, прозвучавший так неожиданно, что Бровкина вздрогнула.

Надя отодвинула задвижку. На пороге стоял молодой человек в кожаной куртке с наброшенным на голову капюшоном, отороченным волчьим мехом. Перед собой он держал большой плоский пластиковый футляр.

– Почему с опозданием? – строго произнесла Радецкая.

Незнакомец вошел в квартиру и поставил футляр на пол, прислонив его к стене.

– Вот мой подарок, – сказала старушка – Самой-то мне не донести было, вот я и попросила доставить.

– погодите, – сообразила Надя, – вероятно, следует оплатить доставку.

– Не надо, – остановила ее Елена Юрьевна, – это мой внук. – И обратилась к молодому человеку: – Капюшон-то сними!

Тот, кого Надя, приняла за посыльного, выполнил приказ и представился:

– Я – Павел.

Затем улыбнулся широко и весело.

– А меня Таней зовут, – тоже поспешила расплыться в улыбке Бровкина.

– Что в футляре? – спросила Надя.

– Мой подарок, – повторила Радецкая и подставила руки – внук помог ей надеть шубу. – Когда уйду, можешь посмотреть.

Теперь улыбнулась и Надя. Можно было и не спрашивать, и так понятно, что добрая старушка решила преподнести в подарок молодой подруге на Новый год какую-нибудь картину из своего собрания. Тем не менее Надежда объявила, что посмотрит прямо сейчас. Даже наклонилась, желая открыть футляр. Однако Елена Юрьевна поспешила выйти, подхватив внука под руку.

– Провожать нас не надо, мы все равно на машине.

Напоследок она обняла и поцеловала Надю, а Бровкиной погрозила пальцем:

– Не ссорьтесь здесь без меня.

Уже возле лифта Радецкая, еще раз обняв Надю, шепнула ей на ухо:

– Хочу, чтобы ты меня не забывала.

Вернувшись в квартиру, Надя, конечно, открыла футляр, достала подарок и растерялась: это были те самые «Едоки картофеля». Только теперь картина была вставлена в раму из дорогого багета.

Татьяна, рассматривая полотно, поморщилась:

– Какие люди страшные – прямо жуть берет! Ничего себе подарочек... Кто ж нарисовал такое убожество?

– Это копия или что-то вроде, – объяснила Надя. – А работа, скорее всего, Павла, он художник.

– Да-а? – удивилась Таня. – А сразу и не скажешь, на вид вполне приличный парень. И парфюм у него дорогой. – Затем Бровкина покосилась на подругу и добавила тоном знатока: – С древесными оттенками.

Про оттенки запаха она, видимо, услышала недавно и теперь проявила свои знания. Упомянула про парфюм тоже не случайно: сама-то принесла в подарок «Шанель № 5». Даже Елена Юрьевна их оценила, сказав, что это любимые духи ее молодости. А вот Надя так и не успела подарить Татьяне что-то в ответ.

– Прости, – сказала она сейчас и вернулась в гостиную.

Там сняла со стены портрет Холмогорова, протянула подруге со словами:

– Чего ему здесь висеть? Мне уже не пригодится, а ты, если захочешь, найдешь ему применение.

Бровкина помялась, но подарок приняла. И вроде тот ей понравился.

– Значит, мир? – спросила Таня.

Надя кивнула. Они обнялись и расцеловались.

– Давай за это выпьем! – предложила Бровкина.

Вообще-то они и без того всю ночь выпивали и произносили тосты, но Татьяне показалось мало: ей очень хотелось закрепить разорванную когда-то дружбу.

Кстати, во время ночных разговоров выяснилось, что Бровкина приобрела не только новую работу, но и жилье, определенный вес в обществе, а в качестве довеска – самоуважение, которого ей, по ее собственному утверждению, прежде сильно не хватало. После того кошмарного случая, когда... Впрочем, возвращаясь к истоку всех своих перемен, Татьяна при Елене Юрьевне не стала вслух говорить о неприятном моменте, когда лучшая подруга выставила из квартиры собственного мужа и ее саму.

Тогда, оказавшись на улице, Холмогоров наотрез отказался куда-либо идти с Таней и разговаривал с ней настолько грубо, что она заплакала. Ей пришлось тащиться к сестре, которая к тому времени уже не жила в студенческом общежитии, а переехала в другое, где получила квадратные метры, устроившись на работу в районную администрацию. Жилье Валентины ей понравилось, потому что та жила не в комнатке, а практически в настоящей квартире с собственным туалетом и душевой кабиной. Только кухня была на весь блок одна. Между прочим, блок был небольшой, всего на три комнаты. Кроме Вали, там жила еще одна молодая, вроде сестры Татьяны, специалистка, и женщина с ребенком. В комнате женщины обитал еще Ахмет. Ее ребенок, которому, впрочем, было четырнадцать лет, курил и пил приносимое Ахметом пиво. Нельзя сказать, что Валентина очень обрадовалась приходу сестры, но Таня обещала в самом скором времени найти для себя что-нибудь.

И буквально через несколько дней Бровкину ложно обвинили на работе в хищении денег из служебного сейфа. Сумма была небольшой – около сорока тысяч рублей, но Татьяну все равно обыскали. То есть ее сумочку и карманы одежды. Ничего, конечно же, не нашли, но все равно попросили написать заявление об уходе по собственному желанию. Что Бровкина и сделала с легкой душой, поскольку оставаться в коллективе, где атмосфера переполнена подозрительностью и слежкой, ей самой не хотелось. Несколько дней она искала работу, но везде слышала отказ, едва заговаривала о служебном жилье. Как-то так получилось, что Валя предложила сестре пойти работать в районную администрацию, где трудилась сама. Татьяна пришла на собеседование и сразу, непонятно почему, понравилась будущей начальнице. Должность была, конечно, не звучная – всего-навсего «младший специалист», но начальница объяснила, что если Таня все поймет правильно, то в дальнейшем ее ждет карьерный рост. А это уже вну-

пало кое-какие надежды. Очень скоро выяснилось, что начальница на самом деле душевный человек, хотя и очень одинокий. Свою душевность ей приходилось скрывать от подчиненных, а вот Бровкину приглашала в гости, и та помогала ей по хозяйству, потому что у женщины, ввиду ее занятости, руки ни до чего не доходили...

Сказав о руках, Татьяна посмотрела на Надю и объяснила:

– Про нее всякое болтали за спиной, но это была ложь. Просто начальница была совсем одна. Ты даже представить себе не можешь, насколько. Она даже одевалась кое-как. Но я постепенно стала ходить с ней в магазины и советовать, какая одежда ей пойдет. Она была мне так благодарна, что даже выбила для меня служебную квартиру. Настоящую – с кухней и ванной, а не с душевой кабиной. А потом подписала бумаги для перевода квартиры из служебного в муниципальный фонд, чтобы я смогла жилплощадь приватизировать.

– Так у тебя теперь есть квартира? – удивилась Надя.

Таня кивнула.

– Ну да. К тому же мне помогли с ремонтом. А начальница даже свою мебель отдала. Я ей сказала, что теперь модульные секции не в моде, и она купила новый хороший гарнитур, а мне отдала шкафы, которые я посоветовала ей выбросить. Да еще двуспальную кровать и холодильник. А уж телевизор мне потом коллеги подарили на день рождения.

Надя от души поздравила подругу. Но это были еще не все новости. Оказалось, что начальница назначила Таню своим помощником, поручив курировать различные направления деятельности, чтобы самой не тратить все силы. Бровкина должна инструктировать сотрудников, проверять их отчеты, а также возить в городское управление документы на согласование. В городском управлении Татьяна познакомилась с заместителем начальника Иваном Семеновичем, на которого произвела впечатление.

– Так ты многого добилась! – удивилась Надя.

– Погоди, это тоже еще не все. Давай дорасскажу про Ивана Семеновича. Я принесла ему документы на подпись, а он начал выговаривать мне: надо, мол, в канцелярии их оставлять, а не врываться в чужие кабинеты. Я так расстроилась! Чуть было не заплакала. И чиновник обещал ознакомиться со всеми бумагами. Тогда я уселась ждать в его приемной. Он раз вышел – я сижу. Обрато идет в кабинет – я все на том же месте. Потом еще выходит, снова меня видит. Спрашивает: «Что вы здесь делаете?» Отвечаю: «Жду, когда вы с документами ознакомитесь». Иван Семенович сердито говорит: «Через неделю, раньше не приходите. А лучше позвоните моему секретарю». Тут я не выдержала и заявила ему, что от таких вот проволочек и задержек страдают дела, за которыми стоят реальные люди, их надежды и чаяния. А так как я пришла на госслужбу именно для того, чтобы заботиться о простом народе, то буду теперь ждать, когда он сможет выполнить свои обязанности. Иван Семенович посмотрел на меня внимательно и, видимо, понял, какая я ответственная. А потом спросил, сколько мне лет и хочу ли я есть. Рабочий день как раз заканчивался, и мужчина пригласил меня поужинать. Это было в начале прошлого года. А три месяца назад он предложил мне должность в городском управлении – у них там одна сотрудница на пенсию ушла. Моя начальница, когда узнала, что я увольняюсь, такой скандал затеяла, ты не представляешь. Жутко орала и даже в меня телефонным аппаратом запустила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.